

УДК 821.161.1 + 82.0

А. Е. Козлов

Новосибирск, Россия

**«АХШАРУМОВСКИЕ ВАРИАЦИИ»
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ:
ИСТОРИЯ ВОЙНЫ 1812 ГОДА**

Рассматриваются «имплицитные связи», объединяющие историсофский сюжет «Войны и мира» Л. Н. Толстого с популярным историческим сочинением Д. И. Ахшарумова. «Историческое описание войны 1812-го года», изданное в нескольких редакциях, предполагало оригинальную концепцию, построенную на фаталистическом и антикаузальном описании исторического события, что, предположительно, могло отразиться в итоговом замысле романа Толстого.

Сын историка Ахшарумова – критик и писатель Николай Ахшарумов – в своем критическом разборе романа Толстого выступает как оппонент исторической концепции писателя. Критикуя Толстого, Ахшарумов предстает критиком позитивистского толка, избирающего антропоцентрический вариант картины мира как единственно возможный.

Ключевые слова: ахшарумовские вариации, фабула и сюжет, классика и беллетристика, вторичность и альтернативность, русская литература XIX века, Толстой.

...И тогда-то соображение всех происшествий покажет очевидно, что в стечении неотвратимых случаев сокрыта всегда воля высшего Провидения, которой никакая человеческая сила преодолеть не может.

Д. И. Ахшарумов

Историческое описание войны 1812-го года

Номинация «ахшарумовские вариации», избранная в настоящей статье, не претендует на терминологическую значимость. Под этим явлением в рамках предпринятого исследования мы понимаем суггестивное образование, связанное с именем и образующими это имя текстами. То, что с точки зрения коммуникативных стратегий культуры может рассматриваться как некоторый авторский текст [1; 2], на наш взгляд, органично фигурам, звучание которых в культурном

Козлов Алексей Евгеньевич – доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе ИФМИП НГПУ (ул. Вилнойская, 28, Новосибирск, 630126, Россия, alexey-kozlof@rambler.ru)

ISSN 2410-7883. Сюжетология и сюжетография. 2016. № 1. С. 58–65.

© А. Е. Козлов, 2016

пространстве порождает звучное эхо; кратковременность жизни беллетристического текста, а вместе с ним звучания имени его создателя, не позволяет говорить о сколько-нибудь выраженном тексте, распадаясь на отдельные отголоски – сюжеты, мотивы, темы.

Говоря о суггестии в настоящей статье, мы можем констатировать случай так называемого ономастического стяжения, неизбежно возникающего при превращении символического знака – имени писателя и поэта – в индекс, часто лишенный тематических и культурных дифференциалов. Наиболее прецедентным в истории русской культуры предстает случай Вл. Ив. Немировича-Данченко и его брата – Вас. Ив. Немировича-Данченко¹. При изучении литературного и общественного значения этих фигур становится очевидным, что в долгосрочной культурной памяти отпечатывается фамилия, в результате чего вместо двух литературных фигур в культурном сознании застывает одна. Такой случай ономастического стяжения (или, напротив, культурной диссимилиации) будет далее рассмотрен в призме «ахшарумовских вариаций» русской литературы.

По нашему мнению, репертуар ахшарумовских вариаций слагается из историй и репутаций членов дворянской семьи Ахшарумовых. Пять сыновей Дмитрия Ивановича Ахшарумова – Николай, Дмитрий, Владимир, Иван, Семен, каждый из которых обладал уникальной судьбой, на определенной дистанции, в диахронии образуют сложную, но единую геометрическую фигуру, каждый угол которой заведомо подвижен. Из-за этой подвижности возникают погрешности историко-литературной репутации: Николая Ахшарумова относят к петрашевцам, Дмитрия Ахшарумова называют автором прикладного пособия по графологии, Ивану Ахшарумову приписывают сочинения его братьев и т. д. В обыденном сознании все эти имена как частные производные остаются за скобками, повышая значение фамилии писателя.

Отказавшись от аппарата теории интертекстуальности в силу суггестивности рассматриваемого материала, мы рассмотрим пребывание ахшарумовского сюжета в контексте имплицитных связей классической литературы, критики и беллетристики.

Первая статья данного цикла посвящена имплицитным связям, соединяющим Льва Толстого с критиком Николаем Дмитриевичем Ахшарумовым.

* * *

После выхода в свет третьего тома романа «1805-й год» в журнале «Всемирный труд» появилась критическая статья Николая Дмитриевича Ахшарумова. Г. В. Краснов называет эту работу «первой обстоятельной статьей о романе» [3, с. 397]. По замечанию исследователя, критик «отнес “Тысяча восемьсот пятый год” к числу редких по своей художественной силе произведений русской литературы», но высказал предположение о том, что Толстой был ограничен случайным запасом рассказов, воспоминаний, «сгруппированных вокруг какой-нибудь семейной хроники или частного дневника» [3, с. 397]. Прагматика статьи Ахшарумова, равно как и значение данной им оценки, не становилась еще предметом специальных разысканий, тем не менее сама идея и избранная концепция могли иметь своей причиной не только соображения чистого искусства, но и своеобразную честь фамилии.

¹ Сходный случай представлен в статье И. Е. Лощилова о прозе кузена А. А. Блока, Г. П. Блока (см. с. 148–158 в этом номере журнала). Короткий некролог «Памяти А. А. Блока» он подписал инициалами «Г. Б.», а в частном письме объяснял: «...не хотелось родственничать».

Отец писателя, офицер и герой Отечественной войны, Дмитрий Иванович Ахшарумов² снискал прижизненную славу первого историка 1812-го года: практически ни одна русскоязычная история этого периода не создавалась без учета «Исторического описания войны 1812-го года». Первая редакция книги увидела свет в 1813 году и создавалась, по всей видимости, в спешке, «по горячим следам». В сущности, сюжет «Исторического описания...» в редакции 1813 года отчетливо риторичен; в тексте соединены описания военных действий, портретных зарисовок и панорамных полотен с одами и посланиями, которые позволяют реконструировать не только фабулу – последовательность событий в их причинно-следственной взаимосвязи, но и сюжет, представляющий конструирование концепта русского воинского духа. В то же время здесь пунктирно намечается основная линия ахшарумовской концепции истории, нашедшая развитие в поздней редакции: «Летописи мира не представляют наблюдательному взору ничего подобного войн России с Европою в течение 1812 года. Эпоха сия составляет непрерывную связь величайших и неслыханных происшествий. Тщетно кто-либо и теперь в потопстве будет искать единственного ключа к тому странному перевороту, которому все нынче очевидные свидетели» [6, с. 1]. Таким образом, исторический анализ в самом начале исключал сколько-нибудь законченную телеологию. Кроме того, дистанция, отделяющая событие от времени описания, была минимальной и не позволяла подвергнуть его всестороннему анализу. Завершая работу, историк оправдывался перед читателем: «Вышеописанное изображение военных действий прошедшего года, или лучше сказать, успехов Российского оружия, сделано в походах, среди военного шума, в минуты малых досугов от занятий и службы...» [6, с. 130]. Фактически занимая позицию «певца в стане русских воинов», Ахшарумов-повествователь следовал логике эпоса, где вовлеченность во время события исключает возможность рефлексии.

За несколько лет, отделяющих первую редакцию книги (1815) от последующих (1819), Ахшарумову удалось создать не только оригинальное описание событий, непосредственным участником и очевидцем большинства из которых он был, но и предложить свой вариант их интерпретации. Отстраняясь от произошедшего, смотря на случившееся глазами историка, а не участника (т. е. дистанцируясь от эпического времени), Ахшарумов отходит от риторического описания в сторону аналитического. Война 1812-го года становится в сочинении Ахшарумова сво-

² «Ахшарумов, Дмитрий Иванович, генерал-майор, первый историк отечественной войны 1812 г., род. в 1792 г., ум. 13-го января 1837 г. По окончании курса в 1-м кадетском корпусе вступил на службу, в 1803 г., прапорщиком в Черниговский пехотный полк, с которым участвовал в походах 1806–1807 гг. и в войне с Турцией в 1809–1811 гг.; в последней, за отличие в сражении при Базарджике, награжден орденом св. Владимира 4-й ст. с бантом. Перед началом отечественной войны, Ахшарумов был переведен сначала в 20-й егерский полк, а затем л.-гв. в егерский, с открытием же военных действий, участвовал с отличием в сражениях под Смоленском, под Бородиным, при Тарутине и в особенности в битве под Малоярославцем, доставившей ему георгиевский крест 4-го класса. Произведенный за Люценский бой в полковники, сопровождал союзные армии до Парижа и, по окончании военных действий, остался за границею, в должности дежурного штаб-офицера при корпусе русских войск, оккупировавших Францию. По возвращении в Россию, Ахшарумов 19-го февраля 1820 г. был произведен в генерал-майоры и назначен командиром 2-й бригады 17-й пехотной дивизии, но в том же году, 8-го декабря, был уволен от военной службы, для определения к статским делам, и через год, 8-го ноября 1821 г., зачислен вице-директором комиссариатского департамента. Занятый редакциею Свода военных постановлений, он оставался в этой должности до своей кончины. Как очевидец и участник событий отечественной войны, Ахшарумов составил первое систематическое «Описание войны 1812 г.», изданное им в 1819 г. В свое время, являясь единственным источником, этот труд имел большое значение» [5, с. 363].

его рода Событием событий, ключевым звеном в цепи полнозначимых эпизодов, самое сцепление которых определяет Историю. Естественным становится и формирование оппозиции *Наполеон – Александр*, эквивалентной противопоставлению личностного и провиденциального: «Поэты сравнивали Наполеона по войне 1812 года с Фараоном, Камбизом, Ксерксом. Он действительно уподоблялся завоевателям, кои в гордости своей верят одному счастью, не почитают нужным иметь на своей стороне правоту, ожидают всего от одной силы и обдумывают пристрастно, неправильно, легко, все что представляется уму их в противном желаниим их виде» [7, с. 288]; «Но мог ли император Александр хотеть быть начинателем войны, столь решительной во всех своих видах и коей конец и последствия одному Всевышнему могли быть известны» [7, с. 9]. Признавая провиденциализм исторического События и придерживаясь фаталистического взгляда на философию истории, Ахшарумов фактически утверждает абсолютную ценность Провидения, движущего стрелки на часах истории. Слова «Соображение всех происшествий покажет очевидно, что в стечении неотвратимых случаев сокрыта всегда воля высшего Провидения, которой никакая человеческая сила преодолеть не может» [7, с. 87], избранные эпиграфом к настоящей статье, равно как и констатация «Всякое военное предначертание вообще, остается в зависимости случаев, по большей части непредвиденных» [7, с. 187], показывают абсолютную презумпцию случайности и невозможность человеческого разума осмыслить исторические процессы.

Именно поэтому историк Ахшарумов исходит из принципа эмпиризма, подчеркивая тенденциозность и необъективность исторических сочинений: «Многие досужные в мирных кабинетах своих могли прежде думать иначе, но должно было находиться в армии и близким образом быть введена в ход тогдашних дел, чтобы удивляться всей их трудности, и вместе осторожности и благоразумию, кои упреждали еще вящую их затруднительность» [7, с. 167].

Таким образом, феномен «Исторического описания» как русскоязычного аналитического труда, направленного на осмысление событий войны 1812-го года, заключается в некоторых принципах, открыто декларируемых по ходу текста. Таковыми являются:

- 1) отрицание каузальности события;
- 2) признание провиденциализма события, фатализм;
- 3) полемический взгляд на аналитические, «кабинетные истории».

Безусловно, и от этого еще более странно выглядит совпадение основных теоретических построений Ахшарумова с идеями, вызревающими в сочинении Толстого «Война и мир». Кажется логичным, что «Историческое описание» входило в круг чтения писателя – как и любой представитель исторической романистики, обратившийся к данному периоду, Толстой не мог не знать этого источника.

Динамика текста Ахшарумова отчасти эквивалентна динамике «Войны и мира». Третий том романа открывается тем же описанием, что и «Историческое описание войны 1812-го года». Два кульминационных центра в произведении Ахшарумова связаны с обороной Смоленска и Бородинской битвой (в первой редакции описание битвы отсутствует, во второй составляет центральное, образующее событие), при этом одним из заключающих эпизодов становится свидание Александра и Кутузова в Вильно. События европейского похода русской армии не входят в поле зрения повествователя: Дмитрий Ахшарумов, будучи их свидетелем и очевидцем, относит их к другому историческому периоду, у Толстого эти события не имеют релевантности, составляя минус-прием, мастерски «разыгранный» в эпилоге романа.

Знаменательно, что ни в переписке, ни в критических статьях Толстой не уделяет сколько-нибудь существенного внимания книге Ахшарумова. Говоря о суг-

гестивности исследуемого поля, следует предположить, что сочинение Ахшарумова не осталось в «оперативной памяти» писателя, однако оставило след в его долговременном сознании, проявившись в дискурсе через лексемы и синтаксические конструкции. Так, например, синтаксис Ахшарумова представляет соединение сложно организованных периодов, некоторые из них кажутся типологически близкими к синтаксису Толстого: «Подобно как ужаснейшая буря, внезапно встающая, разорвав оплоты гонит из берегов ревущие воды, которые шумными волнами заливают поля, истребляют богатые жатвы и сносят хижины сельских жителей, так разнонародные легионы неприятельские устремились во владения Российские» [6, с. 3]. Типологически близкими выглядят и стилистические регистры: «Потомству одному предлежит определять конечное суждение о деяниях вождей, коим судьба Государств поручается» [7, с. 85].

Тем не менее книга была исключена из сознательного поля, поскольку значительным образом сужала возможности критического осмысления историко-риторической традиции, оппонентом которой выступал Толстой в своем романе. Действительно, допущение такой книги, как сочинение Ахшарумова, ставило под удар один из сильных тезисов писателя, критиковавшего концепцию роли личности в истории.

Сын Дмитрия Ахшарумова, критик и писатель Николай Ахшарумов выступает в своем сочинении как оппонент Толстого. Отчасти предвосхищая итоговую статью «Несколько слов по поводу “Войны и мир”», Ахшарумов разграничивает эстетические и философские задачи, поставленные писателем: «...граф Толстой как художник и граф Толстой как философ часто противоречат друг другу» [8, с. 5]; «местами кажется, как будто в “Войне и мире” историческая сторона задачи принесена в жертву художественной. Лицо частного человека стоит, по-видимому, везде на первом плане и занимает собою читателя почти исключительно; а исторические события являются только случайною его обстановкою, и ни один из главных актеров эпохи не принимает деятельного участия в драме рассказа. Но, несмотря на такую, по-видимому, второстепенную роль истории, она чувствуется везде и проникает собою все» [8, с. 15]. Воспринимая роман Толстого как бытоописательную хронику, Ахшарумов-младший сравнивает роман с живописным полотном, открыто уподобляя его картине. Знаменательно, что, не используя термин «лирический сюжет», Ахшарумов в то же время констатирует значимое отличие сюжета «Войны и мир» от сюжета эпического типа: «...начнем с того, что пластический, живописный прием рассказа в общем итоге берет решительный верх над его драматическим и лирическим содержанием. Сочинение это – прежде всего картина. Количество ярких красок, употребленных автором в дело, число пестрых сцен и характерных фигур, изображаемых им по преимуществу с их наглядной и лицевой стороны, множество бесподобных ландшафтов и разного рода сценической обстановки, встречаемых нами на каждом шагу, – все это дает перевес стороне картинной. Но после картинного, живописного содержания ярче и чаще выходят наружу мотивы чисто лирические» [8, с. 20]. Именно поэтому критику видится условным жизненный путь героев Толстого, а сами они представляются ему в ракурсе «неопределенной антропологии» – «нравственными недорослями» (так названы и Николай Ростов, и Пьер Безухов).

Отдельное внимание Николай Ахшарумов уделяет исторической концепции Толстого. Ключевым аргументом в споре с Толстым становится оценка Наполеона: «Наполеон, в понятии его, очень мало разнится от какого-нибудь бесстыжего пройдохи-гасконца, которому повезло. Это такая же пешка в массе других, пешка, рукою судьбы выдвинутая вперед и проведенная в ферзь, но не имеющая в себе никакого другого свойства, кроме общего всякому человеку – свойства слепого орудия в руках высшей силы. Поступки его так же произвольны, как и поступки

юнкера графа Ростова, расчеты так же нелепы, взгляд не менее близорук и ошибочен» [8, с. 31]. Ахшарумов выступает в своей статье с позиции историка Личности, вслед за Гегелем полагая, что лидер олицетворяет дух нации. «Он не был Гомером, – пишет он о Наполеоне, – но эпопея, которую он создал, нисколько не хуже какой-нибудь Илиады. Если б это был просто ученый тактик или стратег, вроде Вейротера или Пфуля, то о нем, разумеется, и речи не было бы; но он сумел сделать то, чего ни Пфулям, ни Вейротерам никогда и во сне не снилось. Он угадал дух нации и усвоил его себе в таком совершенстве, что стал в глазах миллионов людей живым его воплощением. И этот-то дух объясняет нам, почему его армия не была бессмысленным стадом, которое какая-нибудь одна пугливая овца могла в любую минуту сбить с толку. Его армия – это был он. Сотни тысяч людей охвачены были вдохновением одного, и вдохновение это для них становилось единою душою, делало их единым телом этой души» [8, с. 33]. Таким образом, роль личности в истории становится для Ахшарумова абсолютной и определяющей. Взятая за основу метафорика Толстого (шахматы, эпопея, стадо), помещенная в пределы иного дискурса (в настоящем случае, аналитического) начинает работать против писателя. Оскорбительное неприятие личности в историческом процессе, кантианский взгляд на личность – всё это оказывается неприемлемым для Ахшарумова. В то же время критику чужд и провиденциализм Толстого. «Он забывает, что ряд счастливых случайностей, сам по себе, есть не более как ряд чистых нулей, которым только одно умение ими воспользоваться может придать какую-нибудь реальную связь и реальную цену» [8, с. 35]. Признавая безусловное художественное достоинство книги Толстого, он не готов признать его концепцию.

В ходе своей статьи Ахшарумов доводит до абсурда некоторые теоретические построения Толстого. Направляя против писателя его же оружие – логику и парадоксы элеатов, использованных Л. Н. Толстым в третьей части третьего тома «Войны и мира», он пишет: «Как Ахиллес, догоняющий черепаху, рассказ графа Толстого догоняет фактическую историю» [8, с. 2]. Он подчеркивает феноменологическую недостоверность Платона Каратаева, заключая: «Чтобы управиться с неприятелем, совершенно достаточно было массы убогих, беспечных, тёмных людей, взрослых младенцев, способных ужиться везде и со всеми, говорящих пословицами, распевающих песни, смысла которых они не понимают, и шьющих рубахи своим палачам» [8, с. 38].

Итак, в своей статье Ахшарумов выступает последовательным критиком концепции истории, изложенной в романе Толстого, исходя из:

- 1) признания каузальности события;
- 2) отрицания провиденциализма события, признания роли личности в истории;
- 3) полемического взгляда на аналитические, «кабинетные истории».

Кроме третьего, в данном случае несущественного, совпадения, Николай Ахшарумов не сходится ни со своим современником – Толстым, ни со своим отцом – историком Дмитрием Ахшарумовым. В сущности, он выступает в своей статье как человек второй половины XIX века, позитивист и интеллектуал, подчеркивающий свое университетское образование. В то же время сама ситуация критики исключала возможность конкуренции: Ахшарумов не писал исторических романов и был чужд исторической беллетристики.

Однако данный случай представляет безусловный интерес с точки зрения герменевтики и подсознательных задач, определяющих траектории создания произведений. Как было сказано выше, *Ахшарумов в роли критика* выступает против Толстого *в роли Ахшарумова-историка*. В сущности, такая интенция могла быть связана и с честью фамилии (*я как продолжатель традиции и представитель рода Ахшарумовых*), и состязательностью (*я как новатор / я как оппонент точки*

зрения, высказанной отцом). В любом из этих случаев, статья Ахшарумова, появившаяся в журнале «Всемирный труд», сигнализировала о вероятных соответствиях, разобрать которые кажется возможным только на определенной дистанции, в диахронии.

Таким образом, среди семантических лейтмотивов «Войны и мира» обретаются ахшарумовские вариации, представляющие сочетание разновременных претекстов (в частности, «Исторического описания» Д. Ахшарумова), текста-комментария (статьи Н. Ахшарумова), повлиявшего на посттекст (в частности, статью Толстого «Несколько слов по поводу книги “Война и мир”»).

В заключение отметим, что решение данного вопроса не исчерпывается определением подражаний или заимствований. Феномен имплицитных связей определяется соединением подсознательных интенций и потенциалов, результатом которых становится порождение текстов, сохраняющих оттиски некогда прочитанных текстов. Исходя из данных наблюдений и включая в анализируемое поле имена братьев Ахшарумовых, мы полагаем возможным далее говорить об ахшарумовских вариациях классической русской литературы.

Список литературы

1. Меднис Н. Е., Печерская Т. И. Метатип в системе памяти культуры // Критика и семиотика. 2010. № 14.
2. Мароши В. В. Имя автора в русской литературе: поэтическая семантика, прагматика, этимология: В 3 ч. Новосибирск, 2013.
3. Краснов Г. В. Комментарий // Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 7.
4. Гусев Н. Н. Л. Н. Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
5. Ахшарумов, Дмитрий Иванович // Русский биографический словарь. СПб.; М., 1896–1918. Т. 2. С. 363.
6. Ахшарумов Д. И. Историческое описание войны 1812-го года. СПб.: Императорская Типография, 1815.
7. Ахшарумов Д. И. Историческое описание войны 1812-го года. СПб.: Императорская Типография, 1819.
8. Ахшарумов Н. Д. Война и мир, сочинение графа Л. Н. Толстого: Ч. 1–4. Разбор Николая Ахшарумова. СПб.: Типография д-ра М. Хана, 1868–1869.

A. E. Kozlov

Novosibirsk, Russian Federation

«AKHSHARUMOV VARIATIONS» IN RUSSIAN LITERATURE: HISTORY OF THE WAR OF 1812

The article considers «implicit communication», combining philosophical plot of «War and Peace» Tolstoy to the popular historical writing Akhsharumov. «The historical description of the war of 1812», published in several editions, presupposed an

original concept, based on a fatalistic description of the historical events that, presumably, would be reflected in the final conception of Tolstoy's novel.

Critic and writer Nikolai Akhsharumov – in his critical analysis of Tolstoy's novel emerges as a writer of historical opponent of the concept. Criticizing Tolstoy Akhsharumov at the same time denies the thesis of his father, presented critic positivist persuasion, elects option anthropocentric view of the world as the only possible.

Keywords: Akhsharumov's variation plot and storyline, fiction, secondary and alternative, Russian literature of the XIX century, Tolstoy.

Kozlov Aleksey E. – Senior Lecturer of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature and Methodic of Investigation Literature, Chair of Institute of Philology, Mass Information and Psychology of Novosibirsk State Pedagogical University (28 Vilyuiskaya Str., Novosibirsk, 630126, Russian Federation, alexey-kozlof@rambler.ru)